

История, которой не успели дать название.

Мерляк Егор Денисович
Гимназия №49, 11 класс

Глава 1

Вечер. Праздник. Я живу один. Обычно праздники проводят в шумной, семейной компании, но, на самом деле, встречать радостное событие можно и одному. Это очень необычно. Когда ты один, то можешь разобраться в своих мыслях, желаниях. В момент наступления праздника, в тот самый момент, когда он наступает, твой мозг работает на 110%. В эту секунду он чист и девственен. Это мгновение стоит факта, что ты проводишь значимое событие один. Такое не получится испытать, находясь в компании, потому что тебя отвлекут. К одиночеству можно пристраститься, но если потом проведешь какое-то время с людьми, то к нему придется привыкать заново. Зато алкоголя надо покупать меньше. Но сегодня ее будет много, потому что я не проведу это рождество в одиночестве, да, семьи у меня нет, но есть друзья и приятели. Скорее приятели.

Я иду по улице. Фонари уже зажглись. Благодаря фонарям стало уютней. Недавно был дождь, поэтому на улицах такая приятная бодрящая свежесть. Как хорошо вдыхать ее полной грудью, улавливая едва слышимый запах полевых цветов, плывущий из самого сердца природы! Поворот, еще один, еще. Вот и бар. Я захожу в него и вижу характерную картину: все столики заняты, отовсюду слышен хохот, веселье витает в воздухе, его почти можно потрогать. Много бутылок уже осушены, но еще больше будет осушено. Пройдя через весь зал, я подхожу к моим приятелям.

- Привет, мы не виделись 100 лет. Как ты? Как твои дела? Что случилось?

- Здравствуй. Всем привет. Я просто решил пожить вдаль от суеты, поэтому от меня так долго не было вестей.

Завязался оживленный разговор, но мне особо не было интересно, пока не начали задавать вопросы: это меня начало раздражать.

- Почему ты уволился? Тебе же хорошо платили.

- Да, на материальную составляющую жаловаться не приходилось.

Бросить работу тюремного смотрителя меня заставил один случай.

Мне тогда было 25, я работал смотрителем в женском блоке, работал уже 3 года, ко всему привык, одним словом, удивить меня было сложно. Завезли новую партию заключенных.

Это как мини-праздник для тех, кто там сидит, потому что вся их жизнь состоит из рутины и еще раз рутины. А это было одним из главных развлечений, как подарок для детей на новый год. Все заключали между собой пари: кто первый из новеньких расколется или свихнется.

- А как встречают “таких” в мужском корпусе?

- Так же, только их проверяют.

- Не понял.

- Он проходит проверку: в столовой к новичку подходят и спрашивают, сколько он может отжаться. Если парень сообразительный, то отшучивается - говорит что мало отжимается, а глупые говорят большое число. Его просят доказать, что он и делает - отжимается на максимум, а когда он, обессиленный, встает, его с легкостью избивают, потому что он уже отдал все силы.

Ладно, я отклонился от рассказа. Продолжим. На следующий день я совершал вечерний обход камер, и мне удалось немного разглядеть новеньких. Никто меня не заинтересовал кроме одной девушки. Она выделялась. Взгляд был другим, не волчьим. Наблюдая за ней с мостика в столовой, я увидел, что она всегда тихо и скромно сидит одна. Даже ее манеры отличались ото всех находящихся там. Я решил узнать о ней больше, и однажды у меня появилась такая возможность.

При проверке комнат у нее обнаружили нож для продуктов, что было запрещено, и ее посадили в карцер.

- Я слышал, что это самое жестокое наказание. Это правда?

- Для тех, кто устал от людей, это подарок. Самое жестокое наказание - Синий бурито. Когда кто-то в камере выходил из себя, начинал буянить, кричать и неповиноваться, то его сначала спокойным голосом просили уняться. Если он не унимался, то приносили Синий бурито. Он представляет собой синий мат, в который закручивали провинившегося как сосиску в лаваш и крепко закрепляли ремнями. В результате человек полностью не мог двигаться, все тело уже через час сильно затекало, наказанный начинал стонать, но сильнее оказывало психологическое давление, нежели физическое. Так заключенный находился от 10 до 12 часов. Когда его вынимали, но становился ласковым и послушным. Синий бурито ломал всех. Никто не оставался прежним после такой ночи.

- Интересно. Никогда не слышал об этом. Так что было дальше?

- Ее посадили в карцер. Я вызвался дежурить там - носить ей воду и еду. Эта комната находилась в нелюдном месте, так что нас никто не мог услышать. Поначалу наш контакт обуславливался лишь ее "спасибо" за то, что я приносил ей порцию еды. Хлеба, если быть точнее.

Она должна была находиться там 10 дней. После пятого ей стало невыносимо.

- Пойдите, не уходите, останьтесь.

- Чего? – ответил я

- Не уходите.

Дел у меня тогда было мало, к тому же мне самому было интересно с ней познакомиться.

- Чего вы хотите?

- Общения, простого, обыкновенного общения.

- Хм... Ладно.

- Как ваше имя?

- Давай без имен.

- Очень приятно, Давайбезимен. А меня зовут Натали.

-...

- Ты любишь пирожные? – спросила Натали после долгого молчания

- Что-что?

- Извини, в этом ужасном месте я напрочь разучилась нормально беседовать. – сказала девушка, глубоко и грустно вздохнув. Во вздохе улавливалась щепотка печали, совсем чуть-чуть.

Я ее заметил.

- Ничего – ответил я – не надо оправдываться, я все понимаю. Это место - не из лучших. Оно ломает, не щадя никого.

- Я заметила. – сказала девушка, слегка ухмыльнувшись.

- Трудно не заметить.

- Еще бы.

Сначала я не понимал, что нашел в этой девушке, что его привлекло в ней, а потом догадался – ее склад ума. Она никогда не унывала, не жаловалась, но находила во всем положительную сторону. Во всем.

Впоследствии я искал любой возможности встречи с ней. Она же временами попадала в карцер.

Через два месяца я уже достаточно хорошо ее узнал. На мой вопрос, какую книгу бы она написала, если бы у нее была возможность, она ответила: “хм, наверное, она была об особенностях миграции семечек одуванчиков в ночное время”

- Как-то неглобально, ты не находишь? – спросил он

- Хорошо, если ты хочешь что-то пугающее, нечто, заставляющее человека от прочтения названия оцепеневать, то у меня есть еще задумка.

- Ну, не томи.

- Проблема выброса античных статуй из космоса на землю.

- Ох, вот так проблема.

- Ага

- Ага

- Да

- Да...

- Но это непрактично, разве нет? – спросил я после достаточно долгого молчания

- Пожалуй. Тогда “Как угнать танк за 60 секунд” или “Проблема социализации уточек, выросших все общества”.

- За это ты мне и нравишься.

- Что-что?

- Жизни никогда не застать тебя врасплох. Она создает тебе проблемы – ты даже глазом не моргнешь, она забирает у тебя свободу – тебе наплевать. Ты самодостаточна.

- А ты уникален. На самом деле, когда я попала сюда, когда я проживала тут первые дни... то отчаялась. Мои мысли были заняты смертью. Затем все изменилось. На свободе я не могла найти спутника жизни. Я нашла его, находясь в заточении. – она рассмеялась – Ирония жизни, ничего не скажешь.

По праздникам я дарил ей подарки. Она сама просила дарить ей что-то обычное, из повседневной жизни, чтобы хоть на мгновение ощутить себя обычной девушкой в обычном мире. Они были настолько странными для обычного человека, что казались особенными. Лимонный пирожок, газировка, книга, в который был спрятан гербарий. Был канун рождества, на этот раз я решил подарить ей оберег на шею. Это был стеклянный цветок с разноцветными камнями на лепестках. Она была в восторге.

Смотрителей было мало, поэтому нам удалось уединиться дольше обычного.

Мы впервые обнялись. До нее у меня было немало девушек, но я не знал, что объятия могут быть настолько нежными. Затем мы поцеловались, но я не знал, что поцелуй может быть настолько страстным. Еще оставалось немного времени. Мы легли в кровать и лежали, смотря в потолок, стиснув друг друга в объятиях.

- Скажи что-то.

- Ну, я не знаю что.

- Это неважно.

- Хорошо. Сегодня утром обнаружил дырку на своем любимом носке. Было больно.

- Дурачок. Но милый.

В ту ночь родилась мысль о побеге. Это стало нашей целью, желанием. Она была невыполнима. Почти. Эта задача мучила меня две недели. Я думал везде: в автобусе, в

душе, во время обеда, перед сном. О тайном ходе речи быть не могло – как же его сделать, оставаясь незамеченным? Оставалось одно - провести ее мимо охраны.

Всё спланировав, мы назначили день. И вот он настал.

***

Во время завтрака я пролил кофе – нервы не к черту.

Я зашел на территорию. Появилась мелкая дрожь.

- Эй, ты какой-то сегодня странный. Все нормально?
- Да, да. Просто планирую осуществить побег одной заключенной.
- Ха-ха. Все шутки шутишь. – сказал он, смеясь
- Без чувства юмора в этом мире тоскливо. Слишком.
- Ты прав, дружище.
- Пока.
- Ладно, бывай.

Фух! Адреналина в моей крови увеличилось изрядно. Как я его! Лопух.

Захожу в здание, прохожу через металлодетектор. Меня осматривают. Иду дальше.

Вхожу в большую комнату с камерами, где я должен сегодня нести свою вахту.

Обед. Возвращаюсь на место. Прошло 20 минут после него.

Пора. Сейчас или никогда. Говорю, что по малой нужде, а сам иду к карцеру – она снова была там.

- Привет. – сказал я
- Утро доброе. Зачем ты пришел? Сейчас тут моя смена.
- А нет. Босс сказал тебя заменить. Не веришь? Спроси.
- Такого еще ни разу не было. Пойду сам узнаю.

Он направился к выходу, но, как только мы разминулись, я тут же развернулся, и со словами “Потерпи ” со всего размаха ударил его по голове дубинкой. Убивать не хотел, но вырубить было надо. Все. С этого мгновения у нас нет права на ошибку. Я открыл камеру, раздел его. Наташа переоделась в его одежду. Она немного висела на ней, но, в целом, - сойдет. Она спрятала свои волосы, надвинула кепку пониже.

Отдышавшись и успокоившись, мы вышли из комнаты. Сердце колотилось как бешеное. В это мгновение я понял, что значит настоящий страх. Я весь вспотел, но пот был холодным. Рассудок помутился, слегка заболела голова. Я мог потерять ее здесь навсегда, или обрести, тоже навсегда.

- Эй, вы куда?

И тут все замерло, словно вода перестала течь, земля - крутиться, а вселенная – расширяться. Спустя столько лет могу сказать, что это был главный момент в моей жизни.

”Сейчас или никогда”

- Эм, покурить.
- Это кто с тобой?
- Слушай, это ты сегодня какой-то странный. Это Алекс. Мы с ним покурить идем.
- Но сейчас вы должны быть на вахте.
- Нас сменили.

- Что? Кто?
- Слушай, если ты не прекратишь этот допрос, то я тебя тресну. Идиот. Зачем я его задираю?
- Попробуй.
- “Сейчас или никогда”

В снах я прокручивал этот момент миллионы раз, думал как нужно было поступить на самом деле, думал, что зря я тогда выхватил пистолет и выстрелил им по ногам, зря поехал на шоссе, а не в город, где можно было бы укрыться от погони. Все зря.

- Меня посадили на пожизненный срок за 3 убийства. Ее вернули на место. Я не могу описать, что тогда чувствовал. Даже не буду пытаться. Была лишь пустота. У меня было много времени подумать, хорошенько обо всем подумать. Я старался забыть ее, потому что не было больше надежды. Меня закатывали в бурито – мне было наплевать, сажали в карцер, я забывался и замыкался. Так я провел год. Меня спасли книги, самые разные. Я читал, чтобы занять свой ум, отвлечься, потому что ее я так и не забыл... не помню ни одного романа, прочитанного там. Я читал год. Времени было предостаточно, несмотря на работы, ведь я застрял тут на вечность, а это немалый срок.

В тюрьмах есть возможность досрочно освободиться, если специальная комиссия решит, что ты больше не представляешь угрозы для общества. Одна проблема – убедить их в том, что ты перевоспитался – все равно что сказать “П” с закрытым ртом.

Я ходил к ним раз в полгода. 8 лет подряд. Я составлял речь, переписывал ее. Я даже изучал психологию, чтобы запрограммировать их, но все это не срабатывало, и неважно: был ли я искренним, отчаянным, решительным или послушным.

- Но ты здесь. У тебя получилось. Как?
  - Уже поздно. Я пойду, пожалуй.
  - Но ты так интересно рассказываешь, скажи же, как ты это сделал?
  - Всем пока.
  - Брось. Останься.
- Друг положил мне руку на плечо.
- Отвали, я сказал. Хочешь неприятности?
  - Ладно, ладно. Хорошо. Пока.
  - Вы видели его взгляд? – сказал кто-то из компании - В его глаза было странное выражение. Я такого еще не видел. Словно падаешь в бездну.
  - Отчаяние

Глава 2

Я проснулся. Я проснулся? Зачем я проснулся? Чтобы прожить этот день?

Зачем? Я больше ничего не чувствую, не ощущаю этот мир. Я зверь, ибо вижу только в черно-белых цветах.

Я потерял ее.

Жизнь до нее не была жизнью. Но и после – тоже. К черту всех философов с их смыслом жизни! Оставить след в истории, творить добро – все это чушь.

В порыве эмоций он рвал и метал: бил руками об стол, скинув с него все вещи одним хлестким движением, резал картины ножом. Закончив, он сел на пол и стал смотреть в одну точку. Непонятно какие у него были мысли, но именно в этот момент выражение его лица изменилось – теперь он был полон решимости.

Он встал, направился к выходу, имея в голове четкую цель, но его взгляд остановил один листок. Разворачивая его, сердце стало биться в миллион раз быстрее. Это был тот самый листок, на котором он написал ей стихотворение.

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!
Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!
Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!
Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.
Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.
Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

Оно было для нее. Ждать придется слишком долго.

Глава 3

Чтобы не перегореть, я был вынужден поменять мировоззрение. Я стал обращать внимание на мелочи и со временем понял, что в них и есть счастье. Его стоит лишь увидеть.

. Все дело в этих мимолетных моментах, которые своим миллионным количеством определяют нашу жизнь.

Это удивительно: как жизнь может потерять смысл, если ты уже его обретал, но потерял. Наслаждение острее чувствуется после боли. Еда вкусней, когда ты голоден.

Я словно снова учился ходить, и мне это удалось. Сейчас я почти избавился от отчаяния, некогда переполнявшего меня. Сейчас я снова начинаю жить.

Стал нюхать книги. Пытаюсь рисовать. Писать и не подумаю. Порой долго сижу дома, смотря на картину. В этот момент в голову лезут разные мысли, и это здорово. Долго не могу заснуть из-за того, что в голову лезут разные мысли. Это раздражает. Приходится силой их унимать, но бывало и так, что я не спал ночью. Сбережений у меня накопилось достаточно, потому что я копил на новый дом. Свой. Теперь я его не хочу. Я могу позволить себе не работать какое-то время. Наплевать, что будет потом.

Я провел эксперимент: спал днем и жил ночью. Это великолепно. Меньше людей, больше тишины, меньше тревоги, больше спокойствия, меньше солнца, больше звезд. Будто я один в мире. Хотя так и есть.

Я чувствую себя героем глупого романа. Проблема в том, что этот герой не знает что делать дальше.

Глава 4

Устроил небольшой поход. Мне нужно было посмотреть на звезды. В городе их не видно. За это я ненавижу города.

Я пошел в лес, не разбирая дороги. Шел 2 или 3 часа, не помню. Вышел на поляну, на которой открывался невообразимой красоты вид. Этот лес находился в пятидесяти километрах от города, поэтому шанс встретить кого-то стремился к нулю. А вот животных... нет. В детстве я был бойскаутом, поэтому мне не составило труда поставить палатку, разжечь костер и сварить кофе. Спать я не собирался.

Когда начало темнеть, я уже был изрядно утомлен чтением, поэтому рад был вернуться в реальность, хотя обычно происходит наоборот. Пока делал последние приготовления, стемнело окончательно. Я лег на траву, включил в наушниках музыку, такую спокойную, плавно текущую. Пианино. И стал смотреть на звезды, думая о чем-то очень важном.

В последние дни я начал слышать в голове женский голос, но не ее, другой, чужой, и какой-то непрерывный, еле различимый гул... или шум.

Обычно он был слабее, а сейчас почему-то усилился. Я снял наушники. Этот звук исходил уже не из моей головы. Его очаг находился за палаткой, я же лежал в нескольких метрах перед ней. В этот момент в моей голове стали рождаться теории. Это мог быть кто угодно. Вероятно, хищник. Я, значит, жертва. Черт.

Оно грызло мою палатку, пытаюсь войти в нее. Оно пришло на запах еды, ну конечно. Кроме страха я испытывал интерес. Оружия у меня не было, поэтому не было и шансов. Я встал и, передвигаясь так тихо, как только мог, направился к углу палатки, чтобы тихонечко поглядеть. Одним глазком. А потом бежать. Навыки выживания у меня есть. Я подбираюсь к краю синтетической ткани, мгновенно дергаю головой. Это медведь. Разворачиваюсь и бегу изо всех сил. Пробегаю сто метров и только тогда позволяю себе обернуться: мой потенциальный убийца в пятидесяти метрах сзади.

Я не был способен на анализ в те секунды, но подсознание уже понимало, что я обречен: от медведя не убегают. Во время бега во рту ощущалась кровь, как в момент финиша после олимпийского забега. В тот момент я чувствовал все на свете, жадно вдыхая воздух с миллионами его запахов. Почему я раньше не чувствовал их?! Они же такие прекрасные! Я ощутил каждую клеточку своего тела. Во мне проснулось древнее, как сам мир, жгучее желание жить. Оно приходит только в момент опасности. Мне стало одновременно теплее и холоднее. Он приближался. Я же остановился. 30. 20. 10. Смешно подумать, что именно ради такого конца я прожил свою жизнь: учился в школе, переживал из-за оценок, экзаменов, девушек, работы, погоды, денег, чужого мнения. Всему этому итог – это бегущий на меня зверь, для которого не имеет значения кто я. Он сбивает меня с ног, раздирая мне шею...

Глава 5

- Как самочувствие?
- ... Что?
- Вы в порядке?
- Как я выжил?
- Вы были на волоске от смерти. Вы потеряли много крови, но вас удалось спасти.
- Но как же?!
- Не горячитесь. Вы еще слабы. После стольких лет без движения ваши мышцы ослабли на 90%.
- Я не понимаю. Стольких лет? Что?
- Вы были в коме 14 лет.

После этих слов меня оставили одного.

Я почувствовал отрешенность. Абсолютную.

То есть медведь – и все-все до него – сон? А что тогда вообще не сон? Нет, она не может быть сном... ведь так? Смерть во сне послужила толчком, своеобразным пинком, жутким потрясением, которое вывело меня из комы. Столько мыслей. Они разрывают меня. Помогите!

***

Мне сказали, что во время нашей попытки скрыться мы попали в аварию: машину перевернуло несколько раз. У нас обоих было тяжелое состояние, только я выжил, а она нет. Ничего не помню после того, как мы вышли за территорию тюрьмы. Я не помню ее лица.

***

Сейчас мне 39. Я проспал 14 лет. Я поправился и уже спокойно хожу, похрамывая. Оказывается, меня уже судили, только без меня самого. Мне повезло с хорошим адвокатом, который добился срока не в тюрьме, а в более человечном заведении, благодаря моему здоровью. Это что-то вроде санатория или лечебницы. Я работаю в саду, гуляю. Преимущественно один. Меня ничего не интересует. Я перестал видеть красоту.

***

Мне 44. Я прямо сейчас могу выйти отсюда, потому что комиссия все-таки решила, что я перевоспитался (Сколько же раз я ходил к ним!), но я остался. Получив свободу, я стал задавать себе вопросы. Что делать там, в мире? Брать ипотеку на квартиру, кредит на машину и телефон в рассрочку? Кормить своим существованием других? Я сейчас могу выйти отсюда, но я остался, потому что мои ответы меня не утешают. Я работаю задаром. Меня кормят и дают кров. Я могу гулять, где хочу. Остальное – неважно.

***

Мне 50. Почему я так редко пишу? Не знаю. Я написал пару рассказов и сейчас работаю над романом. Стихи больше не получаются. При встрече с людьми я улыбаюсь, разговариваю с ними, даю им выговориться, если это надо. Я стал дружелюбнее. Не верьте тем, кто говорит, что одиночество – это прекрасно. Пусть поживут в нем долгое

время. Да, на короткий срок, даже, скажем, пару лет одиночество имеет место быть, но потом тебе просто хочется общения. Мы социальные существа. Я стал находить удовольствие в обычных разговорах. Теперь для меня важно то, как я общаюсь, а не то, о чем идет речь.

***

64. Я написал до этой строчки много страниц, но потом решил их исключить. Стал вспоминать тот день, когда мы бежали. Восстановил половину погони, но не ее. Меня стали ласково называть папашей за мой дружелюбный нрав. Теперь я подолгу совершаю прогулки на природе. Научился любоваться ею. Порой я смотрю на закат и думаю обо всем на свете. Подлинный секрет счастья – в поисках красоты. Я дописал роман. Очень рад этому. Теперь я оставлю в этом мире частичку себя.

***

Мне 71 год. Меня перевели в дом престарелых. Атмосфера тут душевная. У меня много друзей. Я думаю, что нравлюсь Мари. Она мне подмигивает. Мы много смотрим телевизор и слушаем радио. Нас не волнует, что происходит в мире, а волнует блюдо на обед и завтрашняя погода. Я счастлив. Никогда не испытывал такой легкости. Обожаю животных. Когда я кормлю нашего кота Фенни, то ощущаю себя частью чего-то большого и очень нужного этому миру. Одно печально – этот дом часто посещает смерть.

***

Стукнуло 85. Я сильно заболел. Знаю, что мне осталось недолго, поэтому пишу эти строки именно сейчас. На самом деле я вел дневник каждую неделю, но в нем нет ничего путного. Мне очень интересно, что будет дальше после смерти. Я вспомнил почти всю погоню вплоть до столкновения. Я стараюсь радоваться мелочам, как говорил уже очень давно, но в последнее время это дается мне сложно. Я устал, понимаете? Старость – это время, когда ты можешь принимать правильные решения, но не имеешь возможности их осуществить, это время сожалений за совершенные и несовершенные поступки и время тоски. Молодость – это время сильного здоровья и опрометчивых поступков. Заполняя строки этими словами, я плачу. Мари умерла. Мне страшно. Что будет дальше?

Глава 6

Сильная боль в груди, которая как бы по венам расходится по всему телу.

- Сестра! – кричу я, но вырывается только шёпот.

- Что? О господи, врача!

Что это?! Я вспоминаю! Да, я вспоминаю концовку погони.

Очень больно. Прежде всего - физически, но и морально тоже.

Мы слетаем с трассы, наша машина кувыркается. Она останавливается на крыше. Мы оба в крови, мы не в силах пошевелиться.

Как же больно. Именно сейчас. Я задыхаюсь. Врачи что-то кричат, но я их не слышу. Они что-то пытаются сделать, но я ничего не чувствую, кроме боли.

Я вижу ее лицо! Оно прекрасно. Она прекрасна. Сколько лет я пытался его вспомнить, и вот сейчас оно прямо передо мной. Никакие раны его не обезобразят.

Я слабею, глаза закрываются. Последнее, что я слышу – это ее голос.

- Я тебя люблю... так люблю! – говорит она из последних сил